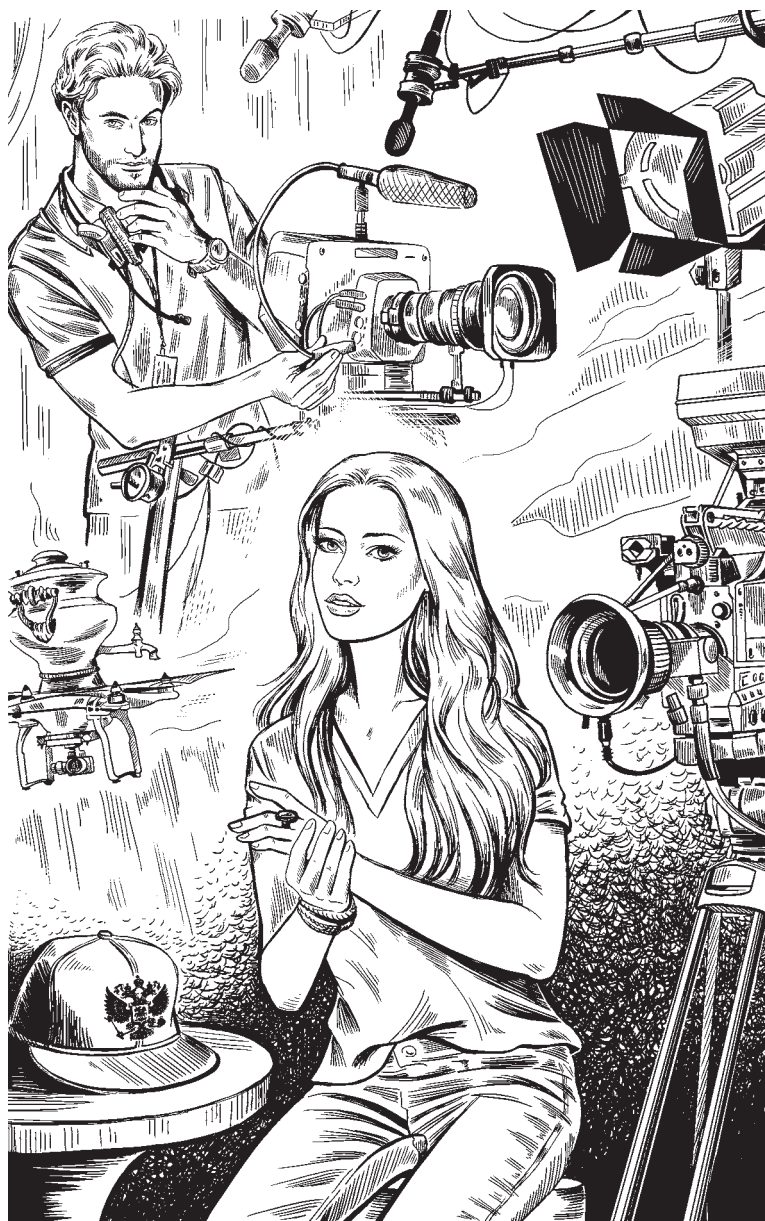

Анна Пейчева

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Пейчева

Великая княжна. Live

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2011 году
Выпуск 283

Художник
Е. Никольская

Пейчева А. М.

П23 Великая княжна. Live: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2437-5

Российская империя, 2016 год. Страной, в которой никогда не было революций, успешно правит Николай Третий. Все у государя получается, кроме одного — никак не удается выдать дочь Екатерину замуж. На помощь приходит всемогущее телевидение. В прямом эфире, на глазах у миллионов зрителей, Екатерина выберет лучшего жениха. Но сможет ли по-настоящему полюбить его?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пейчева А. М., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2437-5

Телевидение существует для того, чтобы выступать по нему, а не для того, чтобы его смотреть.

Сэр Нозл Кауард, английский драматург

ОТ АВТОРА

А что, если бы Ленин устроил революцию, скажем, в Швейцарии? Году эдак в 1904-м?

Историки, между прочим, утверждают, что Владимир Ильич всерьез присматривался к маленькой беззащитной Швейцарии как к удобной стартовой площадке для перекраивания мирового порядка. Посудите сами: расположена в центре Европы. Опутала весь мир золотой банковской сетью. А ежегодные карнавалы? В 1901 году Ленин писал матери: «Процессии ряженных на улице, повальное дурачество, тучи конфетти, бумажные змейки, и прочая, и прочая. Умеют здесь публично, на улицах, веселиться!»¹ Ведь ясно из этих строк: Владимиру Ильичу в Швейцарии ужасно нравится!

Вот еще один отрывок, из другой его записки, адресованной товарищу Карпинскому: «А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть, и Россией пахнет»². Угадайте, где господин Ульянов изволил сочинить это письмо? Может быть, на Алтае? Или на Кавказе? Или, возможно, сидя в холодной избушке на

¹ Письмо В.И. Ленина к матери, М.А. Ульяновой от 20.02.1901 г. (цит. по кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. Письма к родным. 1893 — 1922). — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Письмо Владимира Ильича В.А. Карпинскому от 18.12.1916 г. (цит. по кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. Письма. Ноябрь—декабрь 1916).

Уральском хребте? Отнюдь! На фешенебельном горнолыжном курорте в Альпах.

Ленин прожил в Берне, Цюрихе, Женеве много лет. А в возрасте за сорок так трудно отказаться от своих маленьких привычек: чудесный швейцарский сыр на завтрак; за ужином в кафешке — бокал легкого вина, помогающий снять головную боль после долгого просиживания штанов в библиотеке.

И никто не сможет меня убедить в том, что Надежда Константиновна сумела остаться равнодушной к восхитительному молочному шоколаду.

Одним словом, революция в Швейцарии? Почему бы и нет?

А российская история тем временем свернет на другие рельсы. Где нет никакого Кровавого воскресенья, а 1917-й — обычный, ничем не выдающийся год. Где нет никакого расстрела царской семьи. И Романовы продолжают править страной.

Посмотрим, куда они нас приведут.

Глава 1

ДЕНЬ ГНЕВА

Великая княжна Екатерина была вне себя от ярости.

Обидно, если тебя бросает бойфренд. И вдвойне обидно, если он бросает тебя ради какой-то кухарки. Вы только вдумайтесь: кухарки! Глупой веснушчатой девицы, которая никогда не сможет управлять государством. В отличие от нее, Екатерины Николаевны Романовой, без пяти минут императрицы Всероссийской.

И как назло, все это случилось накануне большого праздника, когда ей нужно предстать перед народом. Желательно не в зареванном виде.

Верноподданные уже с вечера начали занимать хорошие места на расчищенной от снега Дворцовой площади. Император распорядился включить подогрев брусчатой мостовой вокруг Зимнего, и ожидание было комфортным — петербуржцы словно оказались на бесплатном сеансе стоунтерапии¹. Горячими были не только камни, но и торги за участки, близкие к балкону дворца. Наиболее деятельные граждане, любящие деньги больше, чем государя, неплохо заработали на своем ночном бдении, продав занятые с вечера места богатеньким соням.

Над тысячами голов сновали туда-сюда квадрокоптеры, разнося горячие напитки из ближайших трактиров.

---

¹ Стоунтерапия — массаж горячими камнями, старинная лечебная процедура.

Из картонных стаканов валил пар, и квадрокоптеры напоминали маленькие летающие самоварчики.

Малахитовая гостиная — любимая комната великой княжны в Зимнем дворце — окнами выходила не на Дворцовую площадь, а на Неву, но к полудню даже Стрелка Васильевского острова запестрела разноцветными шапками и зашипела бенгальскими огнями. На больших экранах для создания соответствующего настроения транслировались кадры недавних торжеств по случаю четырехсотлетия дома Романовых.

Пора было собираться.

Екатерина усилием воли заставила себя усесться на банкетку перед малахитовым туалетным столиком и взглянула в разумное зеркало, обрамленное роскошным деревянным кружевом и преподнесенное ей на шестнадцатилетие мастерами Волжского альтернативного затейливого завода, который специализировался на внедрении последних новинок в быт россиян. Шестнадцать великой княжне исполнилось уже давным-давно, девять лет назад, и за это время ВАЗЗ успел выпустить еще не меньше десятка моделей прогрессивных зеркал, но Екатерина свое менять не хотела — уж очень привыкла к нему, как к домашнему питомцу.

Зеркало автоматически включилось, подсветив лицо принцессы, и издало приветственный писк. Сразу после этого зеленый огонек в правой верхней части зеркала тревожно замигал и заалел.

— Внимание! — приятным, хоть и немного механическим голосом сказала зеркало. Голос был мужским — на заводе выяснили, что советы по уходу за собой, исходящие от женщины, воспринимаются более негативно. Каждая фраза зеркала для наглядности сопровождалась красными светящимися строчками. — Идентифицировано пять проблемных зон...

— Ну еще бы, — пробормотала Екатерина.

— Глаза: отечность век, покраснение кожи, покраснение белков, — безжалостно анализировало зеркало.

— Плакать меньше надо, — сказала принцесса сама себе с назиданием.

— Нос: отечность, покраснение кожи. Щеки: отечность, бледность, — невозмутимо продолжало зеркало.

— Одним словом, лицо-подушка, — прокомментировала Екатерина, недовольно пощипывая себя за нос, который в обычном состоянии имел форму греческого, но сейчас больше напоминал картофелину сорта «сиреневый туман».

Высказавшись на тему искусанных губ и спутанных волос, которые ни один льстец в мире не назвал бы сегодня «антично-бронзовыми прядями» (любимое выражение одного телеведущего), зеркало перешло к хорошим новостям:

— Рекомендовано для глаз: тени дымчатые «Хозяйка Медной горы», тушь объемная «По небу полночи ангел летел»...

На гладкой поверхности начали появляться картинки подходящих косметических средств — продукции известной российской фирмы «Наша Маша», которую предпочитала великая княжна. Среди прочего зеркало предлагало хозяйке воспользоваться перламутровой пудрой «Задремали звезды золотые», рассыпчатыми румянами «Умылася в снегу» и помадой «Я на свете всех милее».

Принцесса, нахмутив тонкие русые брови, изучала свое потрепанное отражение в кольце сияющих советов.

В серо-зеленых, царственно непроницаемых глазах, доставшихся Екатерине от прапрадедушки Николая Второго, сегодня плескались горечь и гнев.

Великая княжна невесело усмехнулась. Гнев — какое своевременное чувство. Джим прямо в точку попал, расставшись с ней 28 февраля. Ведь 29-го, раз в четыре года, вся страна празднует День Гнева.

Традицию ввел как раз-таки прапрадедушка Николай Второй — после страшной швейцарской революции

29 февраля 1904 года. Тогда закачались все европейские троны — от Адриатики до Ла-Манша. Монархи десятка стран с ужасом следили за тяжелым рождением коммунистического государства. Вековые устои процветающей страны ломались как спички под давлением обезумевшей «власти рабочих и фермеров». Точнее, работниц и фермерш.

Идейный вдохновитель восстания, невзрачный с виду, но обладающий дьявольским умом уроженец российского города Симбирска сумел сыграть на самом сложном инструменте — женском характере. В любой точке земного шара обязательно найдутся вечно недовольные всем вокруг женщины. Наверное, даже в раю изредка попадаются особо придиричivé души, капризно поджимающие накрашенные губы и cedящие что-то вроде: «Ах, так это и есть ваш хваленый рай? Вообще-то я думала, что в приличных местах амброзию водой не разбавляют».

Обнаружились таковые брюзжащие гражданки и в благополучной Швейцарии. Вроде и законы были здесь вполне справедливыми, и парламент регулярно переизбирался, и разделение на самостоятельные кантоны всех устраивало. Но упертый симбирец таки уколол швейцарцев прямо в ахиллесову пятю.

Напирая на то, что его мать имеет европейские корни, а значит, и сам он вполне может быть родственником любого гражданина Швейцарии, так что искренне желает им самого лучшего, симбирец — не без помощи супруги — начал вести подрывную работу на воскресных рынках, где хозяйки закупали продукты, а также возле высших женских курсов, где девушки учились на воспитательниц и гувернанток. Симбирец задавал собеседницам простой вопрос: «Все ли вас устраивает в вашей жизни?» Ответом, разумеется, почти всегда было «нет»: и цены на молоко высоковаты, и хороший шелк винного цвета не найти, и портниха совсем обнаглела. Симбирец понятливо кивал и подсказывал: все проблемы — и плохая ткань, и обнаглев-

шее молоко — от неправильного руководства страной. Нужно всего лишь сменить государственный строй, чтобы они, женщины, могли сами выбирать своих руководителей и полноценно участвовать в жизни государства, и все сразу наладится.

Дальнейшее развитие событий в Швейцарии сильно напоминало классическую библейскую историю про дегустацию яблока. Некоторые современные Евы не растеряли умения убеждать своих мужей в том, что сумасшедшая идея только на первый взгляд кажется неудачной.

Одним словом, сначала сдались мужья, а потом действующее правительство Швейцарии. Коварный симбирец добился цели и возглавил процветающее государство. На этом райское житье-бытье в государстве закончилось.

Немецкий, французский, итальянский языки, на которых свободно говорили граждане до революции, отменились официальным постановлением. Вместо них ввелся один упрощенный, так называемый «швейцарский язык» — на основе латинского. Женщинам действительно дали избирательное право — забрав при этом молоко: все коровы стали государственными. Вместо шелка винного цвета им теперь предлагали исключительно грубый некрашенный хлопок, а портнихи и вовсе перестали шить, готовясь в депутаты. Да, женщины получили мужские права. Но и обязанностей по уходу за домом и детьми с них тоже никто не снял. Двойная нагрузка вместо облегчения! Евы опомнились, схватились за головы, но было уже поздно.

За головы хватались и соседи Швейцарии. Большинство стран в результате неожиданной революции потеряли свои золотовалютные запасы, хранившиеся в швейцарских банках. С европейских прилавков исчезли знаменитые швейцарские сыры, часы и карманные ножи. На веселой мозаичной карте Европы, в самом центре ее, образовалось черное пятно. Примыкающие к пятну страны — Германия, Италия, Франция, Австрия — срочно закрыли свои границы.

Император Всероссийский Николай Второй не спал две недели. Каждый час принимал все новые донесения о шокирующих событиях в Швейцарии. Просто невозможно было поверить, что весь этот хаос устроил его подданный, ссыльный симбирец, которого он по мягкости характера выпустил за границу. Тут уж не знаешь — то ли жалеть несчастную Швейцарию, то ли радоваться, что Россию миновала чаша сия.

«Хороший урок для всех нас», — промолвил в конце концов Николай Александрович и, может быть, прибавил еще «разрази меня гром», потому что он никогда не ругался матом. Сразу после этого государь подписал два высочайших указа: один об учреждении парламента, серьезно ограничивающего власть монарха; второй — о назначении 29 февраля, даты швейцарской революции, днем безнаказанного (это подчеркивалось особо) выражения любых накипевших чувств по отношению к российской власти в целом и императорской семье в частности. Злоба приветствовалась, раздражение поощрялось, недовольство вознаграждалось. Никаких гонений, никаких преследований, никаких негативных последствий. Полная неприкосновенность. Но только один раз в четыре года. В остальные тысяча четыреста шестьдесят дней принималась традиционная, скучная, обоснованная критика в установленном законом порядке. Все эмоции — в День Гнева.

Невероятно смелое и прогрессивное решение для тяжелой на подъем патриархальной Российской империи.

И оно привело к прекрасным результатам. Здоровая ирония со стороны императора по отношению к самому себе оказалась лучшим средством для погашения тлеющего народного возмущения. Котел с паром не взорвется и не убьет машиниста осколками, если оставить небольшое отверстие для выхода избыточного давления. Напротив, из смертельного оружия он превратится в двигательную силу целого поезда, стремящегося вперед.

Да и скучно обзывать кого-то дураком, если человек охотно соглашается и даже начинает с горячностью тебе же доказывать, что таких дураков, как он, свет не видывал.

Поглядывая на погрязшую в коммунизме Швейцарию, николаевскую традицию неукоснительно поддерживали и все последующие российские правители: Алексей Николаевич, Константин Алексеевич, а вот теперь и отец Екатерины, Николай Константинович.

Постепенно, далеко не сразу, митинги протеста как-то сами собой превратились в митинги поддержки императора. К началу двадцать первого века День Гнева больше напоминал День Восхищения монархом и его семьей. И Екатерина 29 февраля обычно выходила к народу с удовольствием.

Но только не сегодня.

Сегодня хотелось вернуться к мокрой подушке и проваляться весь день в постели, стирая фотографии Джима из перстня-разумника.

Зеркало тем временем вновь ожило:

— Внимание! Ваше отражение не меняется. Если у вас возникли трудности с нанесением макияжа, нажмите цифру один для вывода подробного руководства.

— Да, у меня возникли трудности, — мрачно отозвалась принцесса, вооружаясь расческой с ионизированной щетиной (результат научных изысканий тех же кудесников ВАЗЗа), — только не с нанесением макияжа. А с одним двадцатисемилетним американцем, обладателем квадратной челюсти и небольшого словарного запаса, который даже расстаться по-человечески не смог. Такое унижение! Ах, зеркало, если бы ты только знало!

Великая княжна со злостью рванула свои всклокоченные кудри. Зеркало тут же отозвалось на резкое движение хозяйки и рассыпало по поверхности светящиеся стрелочки, указывающие правильную траекторию причесывания. Екатерина, раздраженная услужливыми подсказками, выдернула провод от гаджета из розетки и далее продолжила

причесываться и краситься так резко, как только ей заблагорассудится.

Спустя полчаса наследная принцесса Российской империи была готова выйти к возбужденной толпе.

Глава 2 ИМПЕРАТОР НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

Николай Константинович в нарядном, но неудобном парадном мундире и тесных лаковых сапогах с золотыми бляхами, которые он мечтал поскорее снять, терпеливо ждал дочь в Зале военных картин. Странно, Катя всегда очень пунктуальна, а сегодня почему-то задерживается — полдень наступил несколько минут назад. Толстенький церемониймейстер в блестящей одежде, похожий на прыгучую конфету, давно уже взялся за пластиковые ручки стеклянных дверей, ведущих на центральный балкон, и теперь нервно поглядывал то на часы, то на гудящую снаружи толпу.

Наконец из западной анфилады послышался еле уловимый шелест. Екатерина в развевающемся платье влетела в зал. Влетела в буквальном смысле — по громадному дворцу легче было передвигаться на гироскутерах¹. Шутка ли — по несколько километров в день наматывать!

Заказом самоходных досок на колесах для Зимнего занимался лично Николай Константинович. Сам ездил на Русско-Балтийский завод на Черной речке². Сам чертил

---

¹ Гироскутер (от *англ.* gyroscooter) — электрическое транспортное средство в виде поперечной планки с двумя колесами по бокам. Управляется интуитивно, движениями ног. Самобалансируется при помощи гироскопических датчиков.

² Русско-Балтийский вагонный завод — крупнейшее машиностроительное предприятие Российской империи с мощным автомобильным отделом. «Русско-балты» были известны по всему миру благодаря своим победам в престижных международных соревнованиях и многим другим достижениям. Например, именно автомобиль производства РБВЗ первым покорила Везувий. Завод упразднен в 1918 году.

макет будущего гаджета — получилось что-то вроде узкого ковра-самолета с узбекским колоритом и желтой неоновой подсветкой днища. Ограниченную серию «высочайшего дизайна» даже не успели выпустить на рынок — все экземпляры расхватали еще на стадии предзаказа.

С рейсфедером император обращался едва ли не ловчее, чем со скипетром и державой: до коронации Николай Константинович трудился рядовым инженером на том самом Русско-Балтийском заводе. Разрабатывал пневмоподвески для отечественных автомобилей знаменитой марки «русско-балт», славящейся своей надежностью, элегантностью и прогрессивными технологиями. Голубая кровь отлично сочеталась с белым воротничком: Романов оказался талантливым конструктором. Да, с середины двадцатого века всем членам царской семьи, кроме правящего монарха, приходилось самим зарабатывать себе на жизнь: госбюджет не предусматривал содержания великовозрастных бездельников.

Светящийся гироскутер почти полностью скрывался пышным подолом роскошного зеленого платья принцессы. На мгновение Николаю Константиновичу померещилось, будто к нему прислали ангела на золотом облаке. Екатерина была божественно красива: огромные глаза, нежная белая кожа, легкий румянец. Прическу венчала тиара с крупными, с хороший миндаль, жемчужинами и мириадами бриллиантов — наследство прапрапрабабушки Марии Федоровны. Плечи прикрывала теплая белая накидка из искусственного меха.

У Николая Константиновича кольнуло в сердце. Просто копия матери. Помнится, у Василисы было похожее платье в аристократическом остросюжетном детективе «Роковое письмо». Тот фильм и впрямь стал роковым для кинозвезды, жившей раньше словно в сказке: муж — цесаревич величайшего государства мира, дочь — здоровый рассудительный ребенок, плюс всенародная любовь, слава и удачливость в профессии.

К несчастью, к концу съемок Василиса подхватила вирус. Нет, не из медицинского справочника. Российские врачи уже тогда могли справиться почти с любой болезнью; но в данном случае они оказались бессильны. Василиса полностью отдалась любовной лихорадке. Неожиданно для своей семьи (и вполне ожидаемо для журналистов) актриса закрутила сумасшедший роман с партнером по фильму. И сразу после премьеры, собрав с публики положенные восторги, парочка сбежала на другой континент — «поднимать африканское кино». Следы их затерялись где-то в саванне.

А Николай Константинович остался один — с ребенком, непогашенным свидетельством о браке и необъятным позором — в возрасте двадцати пяти лет, еще до вступления на трон. Какая ирония — Василиса Прекрасная, получившая известность именно благодаря блистательно сыгранным ролям принцесс и королев, так и не захотела стать настоящей императрицей.

Николай Константинович поклялся никогда больше не связываться с женщинами. Самым пронырливым папарацци за два десятка лет ни разу не удалось сделать хоть один компрометирующий снимок, проливающий свет на личную жизнь монарха. Ее, личной жизни, просто не было.

Всю свою любовь отец отдал великой княжне. И сейчас сразу заметил, что что-то не так.

— Кати? Ты плакала?

Великая княжна покосилась на толстенького церемониймейстера, который от нетерпения начал уже пританцовывать на месте, и, сойдя с гироскутера, направилась к балкону.

— Потом, папенька, потом.

Церемониймейстер шумно вздохнул и одним широким движением распахнул энергосберегающие стеклянные двери, заполненные изнутри аргоном для сохранения тепла.

На императорскую семью обрушился водопад голосов. Нужно было нырять в морозный воздух, переполненный приветственными криками.

Николай Константинович сделал первый шаг навстречу обращенным к нему лицам. Толпа восторженно взорвалась.

Император, человек по натуре скромный и стеснительный, старался не смотреть вниз. Идти было тяжело, словно он продирался сквозь вату. Публичные мероприятия всегда давались ему с трудом.

Николай Константинович сконцентрировал взгляд на величественной Александровской колонне — слегка видоизмененной копии колонны Траяна в Риме. «Да, каких-то полтора века назад мы еще жадно хватались за иностранные идеи, — подумал государь, — вот даже и главный символ столицы, Александрийский столп, не более чем подражание итальянцам. Зато за последние сто лет ситуация изменилась с точностью до наоборот. Россия теперь — пример для остальных. Всего две буквы «RE» — «Russian Empire» — на любом товаре считаются во всем мире знаком качества».

Эта мысль придала ему сил, и он каким-то чудом преодолел три бесконечных метра до балконной решетки.

Левому плечу стало тепло: к Николаю Константиновичу присоединилась дочь. С правой стороны, где должна была бы стоять супруга, ощущалась пустота.

Государь поднял руку. Толпа затихла, словно повернули выключатель. Чайные квадрокоптеры зависли в воздухе, развернув камеры на императора — изображение в режиме реального времени передавалось в трактиры, где вокруг больших телевизоров тоже собрались верноподданные. От старинных стен Главного штаба и Зимнего дворца отражалось жужжание пропеллеров.

— Сограждане!

Мягкий баритон Николая Константиновича, многократно усиленный динамиками, окутал весь центр

Санкт-Петербурга. Прямая трансляция выступления императора шла в эфире телеканала «Всемогущий». Если учесть, что канал был исключительно коммерческим, от воли властей никак не зависел и пятисекундная реклама на нем стоила как пятидесятиметровая квартира в спальном районе столицы, то становилось ясно: День Гнева — поистине любимый народный праздник. Ради него даже отменили один выпуск суперпопулярного ток-шоу Ангела Головастика.

Нелегко говорить, если тебя слушают сотни миллионов. Николай Константинович, подспудно жалея, что он не обладает развязностью кривляки Головастика, порхающего по огромной студии наподобие усыпанной стразами бабочке, отрывисто произнес знакомые каждому россиянину слова, впервые прозвучавшие сто двенадцать лет назад из уст его прадеда и тезки Николая Второго:

— Сograждане! Я здесь, чтобы напомнить вам: любовь к своей стране не означает безусловного одобрения всех действий властей. Я здесь, чтобы напомнить вам слова Карамзина: «Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть». Я прошу вас: обратитесь к своему рассудку! И со всей страстью скажите, что вас беспокоит. Скажите, что мы делаем неправильно? Скажите, в чем мы ошибаемся?

Боковым зрением Николай Константинович заметил, как из серо-зеленых глаз его дочери, стоящей совсем близко, вдруг выступили слезинки и скатились по гладкой коже, задрожали на точеном подбородке, поблескивая в лучах тусклого зимнего солнца. Лицо великой княжны было невозмутимым. Она с достоинством улыбалась своим подданным, размахивающим рукописными плакатами «Мы любим вас!», «Ее Императорское Высочество Екатерина — лучшая!» — и поразительным: «Скинемся по 3 рубля на подарок величайшему монарху всех времен!».

Император на секунду прикрыл веки, переагружая мозг, и продолжил:

— Я здесь, чтобы поблагодарить вас. Поблагодарить за вашу честность. За вашу открытость. За ваш патриотизм. Сегодня вы можете изменить свою страну. Вы можете изменить нашу жизнь. Говорите, сограждане! Говорите! Говорите!

И государь взмахнул правой рукой:

— Да начнется День Гнева!

Страна заплодировала, заорала, заулюлюкала, засвистела.

Зазвенели пивные кружки в трактирах.

Дворцовая площадь пришла в движение. Взмыли вверх огненные свечи, одобренные дворцовым комендантом. Квадрокоптеры, ловко обходя пышущие искрами столбы, метнулись за новыми порциями кофе, чая, морса и сбитня. Из-под арки Главного штаба, неторопливо раздвигая толпу, со страшным скрипом выплыла старинная угольно-черная почтовая карета, украшенная фамильным гербом рода Романовых: на серебряном фоне ярко-красный грозный полуястреб-полулев с золотым мечом. Наверху кареты красовалась белая надпись: «Для жалобь на Государя Императора Всероссийскаго».

Дилижанс был тоже частью традиции. И надпись на нем сделали еще до грамматической реформы тысяча девятьсот сорок девятого года, когда государь Алексей Николаевич взял и выкинул из русского языка несколько лишних букв, чтобы сделать его более доступным для иностранцев. Алексей Николаевич всегда стремился подружиться с целым миром.

Люди наперебой кинулись бросать в карету заранее подготовленные записочки и подарочки для монаршей семьи. Разумеется, девяносто девять процентов жалоб принималось сегодня в электронном виде, но наследие есть наследие, и отправить древний дилижанс на свалку, где ему было самое место, государь не мог — при всей своей императорской власти и при всей своей любви к техническому прогрессу. Автору знаменитой пневморессоры в виде по-

движного рукава, позволившего радикально увеличить дорожный просвет машины и ставшего новой вехой в истории мирового автомобилестроения, было больно смотреть на страдающего от дряхлости почтового динозавра.

Но сейчас Николай Константинович думал не о промышленной эволюции. Его беспокоила страдающая непонятно от чего двадцатипятилетняя дочь.

— Кати, и все же что случилось? — тихо спросил он, незаметно отступив от микрофонов и помахивая ревушей толпе рукой.

Екатерина, сохраняя на лице царственную улыбку и благожелательно кивая россиянам, так же тихо ответила, не поворачивая головы:

— Случилось, папенька, то, что все мужчины — первостатейные подлецы.

— Значит, дело в Джиме, — с утвердительной интонацией уточнил Николай Константинович.

— Дело в его сообщении.

— Каком сообщении?

Серо-зеленые глаза потемнели и сузились.

— Мистер Джеймс Смит был столь любезен, что вчера, прямо во время работы, прислал мне на компьютер сообщение, в переводе на русский примерно такое: «Привет, детка, думаю, нам нужно расстаться, я встретил свою судьбу в столовой, она веселая, классная и всегда дает мне бесплатный пирожок». Знаю я эту так называемую судьбу! Буфетчица Марфуша ее зовут! — Наверяд ли дворцовый комендант одобрил бы молнии, которые исходили сейчас из глаз великой княжны. — Марфушенька-душенька, ух! Она и двух английских слов не свяжет. Ах, папенька, не знаю, есть ли еще на свете девушки, которых бросали по внутренней корпоративной сети, на радость системному администратору. Это такое унижение! Такое унижение! Я едва сумела закончить разговор с клиентом.

— Надеюсь, клиент ничего не заметил? — с тревогой поинтересовался отец.

Великая княжна работала в колл-центре Русско-Балтийского завода — превосходное знание пяти языков позволяло ей принимать звонки от иностранных владельцев русских автомобилей — и, по характеристике ее непосредственного начальника, «никогда не теряла выдержки, хотя иногда вела себя с клиентами холодновато».

— Папенька! — шепотом воскликнула Екатерина. — Ну почему ты всегда думаешь только о работе?

— Прости, Кати, прости. Но знаешь, я всегда был уверен, что Джим тебя не достоин.

— Из-за разницы в происхождении? Из-за того, что он сын американского фермера, а я — дочь российского императора? Не ожидала от тебя, папенька, не ожидала такой мелочности, такого снобизма!

— Нет, клянусь шестеренкой, какой еще снобизм! Просто он такой... такой... — Император хотел было сказать «тупой», но государю не к лицу просторечные обороты, и пришлось подбирать созвучное слово: — ...такой пустой!

Полный записочек и плюшевых игрушек дилижанс издал адский треск и направился в сторону громадных кованых ворот Зимнего дворца, расположенных под балконом, на котором мерзли Николай Константинович с дочерью. Народ радостно завизжал. Император поморщился.

— Ах, папенька, теперь я вообще думаю, что Джим никогда меня не любил, — тоскливо протянула великая княжна, отпуская туда и сюда изящные воздушные поцелуйчики. — Теперь мне вообще кажется, что он был шпионом, который пытался выведать у меня государственные секреты. Что это вообще за фамилия — Смит? Подозрительно невыразительная.

— Кати, неужели ты думаешь, что агенты Третьего отделения моей канцелярии не проверили его от корки до корки сразу после того, как он только взглянул в твою сторону? — усмехнулся краешком рта император. — Никакой он не шпион, обычный паренек с кукурузной фермы, случайно попавший в Россию по контракту с модельным

агентством. Признайся, ты ведь влюбилась в блестящую обертку.

Великая княжна покраснела — то ли от мороза, то ли от неловкости.

— Как же тут не влюбиться, если он был на всех наших рекламных плакатах? Смотрел на меня отовсюду, с каждой стены, с каждой экранной заставки. Да нам на Новый год подарили корпоративные чашки, где он за рулем нового «русско-балта»! Папенька, мне же все девочки завидовали, когда мы с Джимом начали встречаться — помнишь, папарацци нас с ним поймали у решетки Александровской колонны?..

Внезапно великая княжна замолчала. Лицо ее за одно мгновение оледенело.

— Кати... — император проследил за застывшим взглядом дочери.

На решетке Александровской колонны в мягкой ковбойской шляпе и синей летной куртке сидел его несостоявшийся американский зять, с любопытством глаза вокруг и приобнимая правой рукой миловидную простужку — типичную Марфушеньку-душеньку.

Глава 3

В МЕНЮ — ГОРЯЧИЕ БЛИНЫ И ХОЛОДНАЯ МЕСТЬ

— Каков наглец! Не постыдился явиться на императорский праздник со своей кикиморой! Нет, ваше высочество Катарина, это никуда не годится! Может, вышлем его из страны? А что? Хороший пинок этому напыщенному Кену не помешает! Я лично выступлю на телевидении и опозорю его на весь мир. Давайте, Катарина, расскажите мне все его грязные тайны, попадем в прайм-тайм на «Всемогущем»!

Премьер-министр Мелисса Майер рвалась в бой, словно голодная немецкая овчарка. В отличие от государя- импера-

тора, не выносящего многолюдные мероприятия и общение с прессой, энергичная Мелисса обожала публику. Публика отвечала ей полной взаимностью. Маленькая, хрупкая, но невероятно деятельная и острая на язык глава правительства стала не только первой женщиной на этом посту, но и самым открытым государственным деятелем за всю историю Российской империи. Телезрители знали о двух разводах Мелиссы едва ли не больше, чем ее бывшие мужья.

Бешеная популярность помогла ей совершить головокружительную карьеру: из маленького провинциального депутатишки — в лидеры либеральной партии «Вольнодумцы», а затем, после победы на прошлогодних выборах, аж в премьер-министры. Соперник Мелиссы, немолодой и солидный председатель консервативной партии «За Веру, Царя и Отечество», только лысину чесал в ответ на ее колкие нападки во время теледебатов.

В последнее время Мелисса немного заскучала. Работа премьер-министром оказалась не такой зажигательной, как ей представлялось до выборов. С утра до ночи она барахталась в океане скучных бумаг. Времени на салонные процедуры, кои она так любила, совсем не оставалось. Порой ей казалось, что всего за один год она состарилась на сорок лет.

Да и государь-император обращался с ней настолько церемонно, так подчеркнуто вежливо, словно Мелиссе и вправду было не тридцать семь, а семьдесят семь. Пожалуй, даже этот глупый обеденный стол вызывал у него больше эмоций, чем она, очаровательная — а Мелисса прекрасно знала, что она очаровательна, — кареглазая брюнетка в темно-синем брючном костюме от знаменитого Лидваля¹. А ведь именно ради Николаса она стремилась

---

¹ Л и д в а л ь Иван Петрович (на самом-то деле он был шведом и звали его Юхан-Петер Эрссон Лидваль) в конце XIX века стал официальным портным Императорского Двора. Его мастерскую на Невском знали все франты столицы. Дело отца продолжили потомки, благодаря которым «Торговый дом «Лидваль и сыновья» превратился в настоящую мини-фабрику по производству модной одежды. Предприятие успешно функционировало до 1918 года, когда спрос на щегольскую одежду резко упал.

попасть сюда, в Зимний: перевернула мир с ног на голову, принесла в жертву оба своих брака. Но максимум, чего удалось добиться премьер-министру от императора, — получить два пустующих этажа дворца под нужды правительства. Теперь на первом собирались еженедельные заседания Совета министров, а на третьем располагалась резиденция его руководителя.

Мелисса заправила волосы за уши — короткое каре с французским оттенком подчеркивало модельные скулы — и положила себе на тарелку еще один ажурный блин, щедро полив его малиновым вареньем. Метаболизм Мелиссы был таким же неуправляемым и активным, как и она сама.

— Ну же, ваше величество, поддержите меня!

Государь вежливо кашлянул и отложил старинную серебряную вилку в сторону:

— Госпожа Майер...

— Ну что вы, ваше величество, я для вас просто Мелисса!

— Э-э, госпожа Мелисса Карловна, я прошу вас не принимать так близко к сердцу наши семейные трудности. Уверяю вас, они не стоят вашего внимания. Мы с Кати рассказали вам об этой неприятной ситуации только для того, чтобы вы были в курсе и журналисты не поставили вас в тупик, когда об этом станет известно общественности.

— А общественность наверняка узнает об этом уже сегодня, — со вздохом встала Екатерина, отодвигая тарелку с нетронутым блином в сторону. — Видели, сколько фотографов было утром на площади? Вспышки так и мелькали. А Джим — он как собака Павлова: при виде камеры тут же поворачивается в три четверти, наклоняет голову немного набок и задумчиво смотрит вдаль. В общем, принимает эффектную позу. Прятаться от папарацци он не станет.

— Катарина, но неужели вы не хотите отомстить предателю? — Мелисса со стуком поставила на стол розовый бо-

кал с малиновым морсом. — Неужели вам не хочется его крови? А я помогу. Знаю, что вы не любите телевидения. Выступлю сама в любых программах.

У Мелиссы даже задрожали руки от нетерпения, когда она представила, как сидит в студии Ангела Головастикова, вся в ярком свете софитов, и в таких же ярких красках расписывает негодяйский поступок дурачка Джима. И вся студия в один голос ахает. И на большом экране позади Мелиссы — огромное расколотое сердце с фотографией великой княжны и ее экс-бойфренда.

Екатерина нахмурила брови, взгляд ее потяжелел, и Мелиссе почему-то сразу вспомнилось, что перед ней сидит праправнучка императора Николая Второго, сумевшего за считанные месяцы расправиться с непобедимыми фашистами и на самом старте остановить Вторую мировую войну.

— Мелисса Карловна, — отчеканила Екатерина. — Да, я хотела бы отомстить Джиму. Я хотела бы отомстить ему больше всего на свете. Я хотела бы расстрелять его в упор из личного охотничьего ружья моего прапрадедушки Александра Александровича. — Великая княжна махнула рукой в сторону коллекции старинного оружия, украшавшей стену Арапской столовой, где проходил высочайший обед. — Но я не стану опускаться до его уровня. И тем более не позволю трясти своим нижним бельем перед телекамерами.

Все-таки голубая кровь четырехсотлетней выдержки — сильная вещь. Великую княжну Мелисса не то что побаивалась — нет, человек, забравшийся на верхушку российского Олимпа, никого уже не боится, — скорее просто не понимала. Екатерина был слишком надменной, слишком холодной, слишком самоуверенной. Снежная королева. Достоянная самой снежной страны мира.

Мелисса обратилась к своему доброжелательному соседу, который никогда не изменял своей врожденной деликатности.

— Ваше величество, а ведь мы упускаем замечательный шанс опозорить Соединенные Штаты! Покажем, каких кукурузников они там воспитывают в своих деревенских школах. Убожество, а не бойфренд! Женщины всего мира будут нам рукоплескать.

А дружок Головастиков будет так рад заполучить премьер-министра на свое ток-шоу.

Бонусом станет унижение нынешней президентши США, которую Мелисса, если честно, терпеть не могла. Блондинка, да еще и высокая... Невозможно было пережить, что на мировой политической арене появилась еще одна женщина. Их недавняя дежурная встреча на конференции в Нью-Йорке была полна неискренних добрых слов и искренних ревностных взглядов.

Император нажал кнопку автоматического заваривания чая на бронзовом самоваре «Электро-Пых-пых 2014». Модель морально устарела — ее изготовили на ВАЗЗе пару лет назад, и с тех пор появились варианты с дистанционным управлением, — но работала исправно. Электро-Пых-пых издал булькающий звук, в нижней части устройства открылась потайная бронзовая дверца, откуда на особой подставке-непроливайке выехала наполненная горячим напитком чашка, сделанная мастерами Императорского фарфорового завода лет двести тому назад.

— Вы знаете, госпожа Майер, Российской империи не нужно опускать другие страны, чтобы подняться, опираясь на их поверженные плечи. Нам не нужен черный фон, чтобы сиять белизной. Наша страна и так во многом превосходит Соединенные Штаты: и в плане технического прогресса, и в плане личного комфорта граждан, да мало ли чего еще. Не стоит прибегать к помощи низкопробных телевизионных шоу, выкладываться на потеху толпе...

Прочувствованную речь государя прервали неожиданно распахнувшиеся двойные двери. В столовую из темной анфилады — Романовы заботились об экологии и сохранении природных ресурсов, а потому сэкономили электриче-

ство — ворвался Семен Столыпин на черном гироскутере с красной подсветкой.

— Ваш'величество! Первые результаты Дня Гнева!

Обер-камергер Столыпин был юн — чуть моложе великой княжны, хорошо образован и полон энтузиазма. Бараньи кудряшки вечно топорщились от переизбытка идей, голубенькие глазки горели воодушевлением, на шее беспокойно болтался магнитный пропуск, запутываясь в веселом галстуке с желтыми утятами. Из нагрудного кармана пиджака торчал старинный символ обер-камергерской власти: золотой ключ, украшенный бриллиантами и государственным гербом.

Все двери в Зимнем давно уже были оборудованы автоматической охранной системой, но бесполезный ключ положено было повсюду таскать с собой. У государя никак не доходили руки отменить неактуальное правило. После масштабного сокращения числа постоянных придворных — с четырехсот пятидесяти до четырнадцати — и полной модернизации дворца оставались еще некоторые бюрократические неувязки.

Так, например, подчиненные обер-камергера ежедневно обязаны были проверять температуру в опочивальне императора. Но теперь толпу слуг заменили цифровые градусники, отправляющие свои данные в режиме реального времени лично императору, на его перстень-разумник. Если Николаю Константиновичу хотелось прохлады, он мог приказать приложению «Домовой», ответственному за комфорт во дворце, проветрить комнату. Перстень-разумник передавал сигнал на оконные защелки, которые раскрывали рамы на автоматически рассчитанную ширину.

Да и само название чина «обер-камергер» — проще говоря, постельничий — уже не соответствовало его назначению. Из простого обслуживающего персонала обер-камергер превратился в доверенное лицо императора, стал его советником и помощником. В Букингемском дворце

человек с обязанностями Столыпина назывался бы личным секретарем монарха.

Мелисса не слишком любила Семена. Этот неумный живчик часто сбивал императора с толку и непредсказуемо менял курс, намеченный премьер-министром.

— Сеня, мы обедаем, не мешай! — недовольно поджала губы Мелисса.

— Мелисса Карловна, да я быстро! Ваш'величество, вы захотите это услышать!

Государь благосклонно кивнул, разрешая приступать к докладу:

— Блинчик хочешь, Семен? — После сокращения штатов император обслуживал себя и своих гостей сам, за исключением особо торжественных обедов.

— Благодарю, ваш'величество, мне не до блинчиков. — Столыпин прыгнул с гироскутера и потряс в воздухе распечаткой. — Вот, вот что нужно сунуть в печку вместо блинчиков!

— Блинчики не в печке готовятся, а на сковороде, — не упустила случая поправить обер-камергера Мелисса, гордившаяся своим участием в нескольких кулинарных программах. — Ничего-то ты, Сеня, не знаешь.

— Ваш'величество, это только что прислали ребята из Аналитического центра. — Столыпин не обратил внимания на колкости премьер-министра. — Они обработали уже несколько тысяч онлайн-обращений и все рукописные жалобы из почтовой кареты. И боюсь, у меня плохие новости.

Государь воздел прямые русые брови и сделался похож на свой парадный портрет из Портретной галереи Дома Романовых.

— Нам есть о чем беспокоиться? Нас не любят?

Столыпин поправил магнитный пропуск, освободив его из плена желтых утят.

— Скорее, любят слишком сильно. Народ недоволен вашей закрытостью. Люди хотят знать все о личной жизни императорской семьи.

Мелисса непроизвольно ахнула.

— Майн готт! А я ведь вам говорила!

Екатерина молча взяла у Столыпина распечатку. Николай Константинович насупился.

— Ну а мы с Кати не желаем им ничего рассказывать.

Столыпин немного нервно пригладил бараньи кудряшки.

— Ваш'величество, вы еще не слышали моего плана.

— Что ж, попробуй доказать государю-императору все-российскому свою правоту, — усмехнулся Николай Константинович. — Дерзай, Семен.

И Семен дерзнул.

— Ни для кого уже не секрет, что великая княжна расталась со своим бойфрендом — простите, ваш'высочество... — обернулся он к Екатерине.

— Неужели уже все в курсе? — обреченно переспросила она.

— Да, к сожалению, Интерсеть не дремлет. И в связи с этим у меня родилась идея на миллион долларов, как говорят в Америке — ой, еще раз простите, ваш'высочество, что напомнил...

— Семен, ближе к делу! — нахмурилась великая княжна.

— Да-да-да, приближаюсь. Считаю, что нельзя игнорировать глас народа, и во избежание негативных последствий следует исполнить безобидное желание ваших подданных. Не хотелось бы напоминать вам про несчастную Швейцарию...

— Вот и не напоминай, — настолько грозно, насколько позволял его учтивый характер, сказал император. — Печальная история, да. Очень печальная.

— Прежде всего хочу сказать, что со «Всемогущим» я уже предварительно договорился, — затараторил Столыпин. — Их креативный директор в восторге, в натуральном восторге. Он готов выделить лучшие вечерние часы по воскресеньям...

— Да подо что выделить-то, Сеня? — не выдержала Мелисса. Она чувствовала, что наклеивается что-то интересное.

— Под новую программу под названием «Великая княжна точка лайв!» — торжественно объявил Столыпин. — Что в переводе с телевизионного сленга означает «Великая княжна в прямом эфире». Это будет шикарное, беспрецедентное, захватывающее реалити-шоу, в котором ее высочество Екатерина выберет себе жениха из толпы претендентов!

Семен раскланялся, явно рассчитывая на бурные аплодисменты.

Однако его зрители пребывали в недоумении.

Мелисса, до начала его речи уверенная, что сейчас все дружно станут уговаривать ее на интервью с Ангелом Головастиковым, сидела открыв рот.

Император скрестил руки на груди и вновь воздел брови.

Екатерина не шевелилась и не моргала, глядя сквозь распечатку.

— Ваш'величество? — несмело подал голос Столыпин.

Николай Константинович после короткого молчания вымолвил:

— Ты удивишься, Семен... Но я не против.

— Правда? Правда, ваш'величество?

— Правда, правда. Мне нравится мысль, что за руку и сердце моей дочери будут соревноваться лучшие из лучших. Может, найдется кто-то достойный хотя бы ее мизинчика. — Император с любовью взглянул на дочь. — Это отвлечет ее от грустных мыслей.

— Ваш'высочество?

Екатерина подняла на обер-камергера глаза цвета Бермудского треугольника.

— Да?

— Э-э, ваш'высочество, что мне передать креативному директору «Всемогущего»? Он ждет звонка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
<i>Глава 1. День Гнева</i>	7
<i>Глава 2. Император не в своей тарелке</i>	14
<i>Глава 3. В меню — горячие блины и холодная месть</i>	22
<i>Глава 4. Почтовый сервер Зимнего не выдерживает нагрузки</i>	31
<i>Глава 5. Котел Ершова</i>	35
<i>Глава 6. Театральная интрига</i>	44
<i>Глава 7. Отвечайте не задумываясь</i>	54
<i>Глава 8. Темные лошадки</i>	58
<i>Глава 9. Плюс один</i>	64
<i>Глава 10. Диверсия</i>	68
<i>Глава 11. Знакомство с женихами</i>	73
<i>Глава 12. Только вы и я</i>	81
<i>Глава 13. Встреча с единомышленником</i>	88
<i>Глава 14. Мелисса на грани взрыва</i>	98
<i>Глава 15. Испытание домашним хозяйством</i>	104
<i>Глава 16. Чрезвычайное происшествие</i>	113
<i>Глава 17. Дочь Василисы</i>	118
<i>Глава 18. Сладкая идея</i>	122
<i>Глава 19. Испытание малышкой</i>	127
<i>Глава 20. Женихов все меньше</i>	140
<i>Глава 21. Гимнический кризис</i>	143
<i>Глава 22. Свинское испытание</i>	153
<i>Глава 23. Что происходит с Генри?</i>	166
<i>Глава 24. Императорская приемная в гараже</i>	170
<i>Глава 25. Явление креативного директора</i>	176
<i>Глава 26. Турнир</i>	181
<i>Глава 27. «Номер пять»</i>	189
<i>Глава 28. Генри не сдается</i>	197
<i>Глава 29. Осень в Париже</i>	203
<i>Глава 30. «Увернись от Бабы-яги»</i>	221
<i>Глава 31. Тень Вещего Олега</i>	242
<i>Глава 32. Искушение</i>	251
<i>Глава 33. Последний бал</i>	262